

Н. А. Чистякова

ГОРАЦИЙ, ПОЭТ ДВУХ КУЛЬТУР И ДВУХ ЭПОХ *

В веренице убегающих годов двадцатого столетия всего несколько лет осталось до двухтысячного года. Всего восемь лет не дожил до порога современного летосчисления величайший римский поэт, классик европейской литературы Гораций. В ноябре 1993 г. минует две тысячи лет со дня его смерти. Трудно установить число ушедших за двадцать веков поколений людей и назвать имена всех тех, кого некогда прославляли современники и постепенно забывали потомки. Право на бессмертие обрели многие античные поэты; их произведения навсегда остались шедеврами в сокровищнице мировых раритетов, зачастую заслонив собой образы их создателей.

Легендарен родоначальник всей европейской литературы Гомер, хотя сохранились всего две его большие эпические поэмы. В тени своих произведений скрылся старший современник Горация Вергилий. В строках его "Буколик", "Георгик" и даже "Энеиды" только пытливые специалисты способны с трудом увидеть живого поэта с его человеческой биографией. Даже Катулл, впервые раскрывший римлянам эмоциональный мир человека, нашедший возможность в стихах выразить множество душевных переживаний, не создал своей полной автобиографии. В XIV в. Петрарка, великий гуманист и поэт, открыл для итальянцев нового Цицерона, которого доселе чтили как носителя нарицательного имени прославленного

* Данная статья не претендует на изложение всего того, что только возможно написать о жизни и творчестве этого великого поэта. Поэтому я решила ограничить себя и предложить выбранную тему как знакомство с "моим Горацием", т.е. таким, каким я его вижу, представляю, за что ценю и чем безмерно восхищаюсь.

оратора. С помощью Петrarки Цицерон ожил, но его воскресший внутренний мир оказался миром политика, государственного деятеля и великого честолюбца. Большинство этих античных колоссов уже давно просматриваются только на расстоянии, возвышаясь где-то в ином времени и пространстве, лишая читателя сопричастности.

Уникальность Горация прежде всего в его жизнеспособности, проверенной двумя тысячелетиями. Признанный первым поэтом августовского века, впоследствии удостоенного права называться золотым веком римской литературы, Гораций во все времена привлекал к себе не только элитарных ценителей поэзии, но и самые широкие читательские круги. Одни знакомились с ним в оригинале, изучали и комментировали, другие довольствовались переводами и переложениями, выполненными на всех европейских языках, третьи — переводили, варьировали его мотивы и темы или же просто подражали ему. Его лавры пополнялись не за счет количества созданных им стихов, а благодаря их силе и степени воздействия на каждого, кто к ним обращался. Из произведений Горация уцелело поэтому все им написанное, т.е. немногим более семи тысяч строк, ныне составивших вместе с предисловием, критическим аппаратом и всевозможными примечаниями один небольшой том ин-кварто.¹ Удивительным образом в этих стихах сочетаются два начала — рациональное и эмоциональное. Возможно, это произошло из-за того, что художественный мир Горация возник и созрел на стыке двух культур, римской и греческой. Подобный симбиоз был для Горация естественным, обусловленным местом его рождения, происхождением, воспитанием и образованием. А далее столь же естественно вписалась в этот мир и его личная судьба, неповторимая и одновременно связанная с жизнью всего его поколения, а также вписалось настоящее, прошлое и будущее его страны и всего мира. Все некогда пережитое, выстраданное и осмысленное, а затем раскрытое одним человеком оказалось общечеловеческим достоянием, так как этот человек обладал гением поэта и разумом мудреца.

Греческие поэты в начале III в. до н.э., оспаривая платоновский тезис о превосходстве философии перед поэзией, провозгласили своей целью стремление к объединению поэзии и филосо-

фии, назвав свой идеал привычным словом *σοφία* и толкуя его как "мудрость, явленную в художественном слове" (Каллимах, Феокрит, Арат и другие).² Но Гораций нашел то, что было недоступно для них по велению времени, и со своей находкой вышел на новый, еще никем не проторенный путь.

По свидетельству Светония, одного из наиболее ранних и авторитетных биографов поэта, Квинт Гораций Флакк родился 8 декабря 65 г. до н.э. Местом его рождения был городок Венузия (совр. Веноза) на юге Италии, в Апулии, где проходила восточная ветвь Апеннинских гор и текли маловодные, пересыхающие в жару реки. Население Апулии никогда не было однородным; к древнейшему ее народу причисляли себя авсонцы, или апулы, позднее к ним переселились иллирийские племена и жители соседней Калабрии. В конце VIII — начале VII в. в Южной Италии появились греки и начали возникать первые греческие колонии, которые вскоре превратились в богатые, многонаселенные, процветающие города, господствующие по всему юго-восточному побережью Адриатического моря (например, Тарент (совр. Таранто), Брундисий (совр. Бриндизи)). Греческая культура была быстро усвоена в Калабрии и Апулии, чему немало содействовали смешанные браки, способствующие распаденю близ этнических связей. В результате длительных самнитских войн Апулия попала под власть римлян. В конце III в. до н.э. новое бедствие ей принесла вторая Пуническая война, когда на земле Апулии в битве при Каннах войска Ганнибала нанесли сокрушительное поражение численно превосходящей их армии римлян. Население разорялось, оскудевала страна, сохраняя воспоминание о прошлом. Взори людей были обращены к Риму, в котором они видели своего властелина, но гордое своей внутренней самобытностью сознание оставалось их привилегией. Слова Горация о том, что "Греция, взятая в плен, победителей диких пленила, в Лации суровый внеся искусства..." (Вр., П, I, 156-157), вполне могли относиться как к Греции, так и к Апулии.

Отец Горация был вольноотпущенником и, занимаясь обором платежей на аукционах, обладал небольшим достатком, позволившим дать сыну первоклассное по тому времени образование. Сначала он отправил мальчика в Рим в школу известного грамматика Орбиллия Попиллия, знаменитого как своей ученостью, так и стро-

гостью обращения с учениками. До выбора своей мирной профессии Орбилий был воином. Будучи же по происхождению самнитом, он принадлежал к тому народу, который долгие все прочие италийцев отстаивал свою независимость в непрерывной борьбе с Римом. Недаром Гораций в шутку прозвал его "драчливым" (*plagosus* - Бр., II, 1, 70). Для завершения образования Гораций получил возможность отправиться в Афины, которые, уже давно будучи в составе римской провинции, бережно хранили славу центра наук и искусства. В конце 40-х годов в Афинах стало известно, что приверженец республиканского строя в Риме Марк Юний Брут, убийца Юлия Цезаря, вместе со своим единомышленником и родственником Гаем Кассием набирает в Македонии войско для борьбы за спасение Республики. Для юного Горация призывы к свободе и борьбе против тирании и диктатуры не могли пройти мимо и встретили у него живой отклик. Афины напоминали ему о древнем подвиге Гармония и Аристокитона, первых тираноубийц, о самоотверженной борьбе Демосфена за независимость Эллады. А имя Брута не могло не ассоциироваться с именем его тезки, первого римского консула, возглавившего в конце VI в. до н.э. борьбу с царской властью. Итак, Гораций оказался в войске Брута и получил офицерское звание (*tribunus militum*), т.е. предводителя легиона, а с ним - знак отличия - золотое кольцо. Таких офицеров было в каждом легионе шесть, но обычно в римском войске при других обстоятельствах сын вольноотпущенника вряд ли мог претендовать на подобную должность. Поэтому не одни только свободолюбивые мечты, но и удовлетворенное самолюбие вдохновляли двадцатитрехлетнего Горация, внушая ему уверенность в торжество республиканских идей. Однако в 42 г. в битве около фракийского города Филиппы объединенные армии Марка Антония и Октавиана нанесли сокрушительное поражение войскам Брута и Кассия. Оба полководца покончили собой, а уцелевшие отряды стали сдаваться на милость победителей. Гораций же, переживший в Филиппах крушение всех надежд и посрамление своего мужества (*fracta virtus* - Саш., II, 7, 11), вернулся в Италию. Но дом отца в Венузии был разрушен, и по приказу триумвиров (Антония, Октавиана, Лепида) все имущество и земля конфискованы. Объявленная амнистия привела Горация в Рим, где он устроился на государственную службу секре-

тарем казначейства (*scriba quaestorius*). Эта малодородная, но почетная должность обычно пожизненно предоставлялась вольноотпущенникам, которые, довольствуясь постоянным жалованием, должны были составлять счета, вести архивы, следить за своевременной отчетностью и т.д. Подобная служба не могла удовлетворить Горация и постепенно его досуг заполнила поэзия. Неизвестно, когда и кем были замечены его первые поэтические опыты. Но уже в 38 г. среди близких ему людей оказались известные поэты, и Вергилий с Варием Руфом представили его Мекенату, знакомство с которым определило всю будущую судьбу Горация. По возрасту Гай Цильний Мекенат был немногим старше Горация и, не занимая никакой официальной должности, был первым лицом в Риме, обладая по мере надобности всей полнотой военной и гражданской власти еще до того, как Гай Октавиан, усыновленный Юлием Цезарем, стал императором Августом. Тацит писал, что "Август в пору гражданских войн поставил во главе Рима и всей Италии Цильния Мекената из всаднического сословия" (Тас., *Ann.*, VI, 11).

Не чуждый литературы Мекенат писал и сам, но главным своим делом считал покровительство талантливым людям и осуществление на деле идеи культурного оздоровления римского общества. В состав его литературного окружения, куда вскоре полноправным членом вошел Гораций, были поэты Варий Руф, Домиций Марс, Проперций и первый среди них Публий Вергилий, который с помощью Мекената смог вернуть обратно конфискованное имение отца. Гораций сразу же обратил на себя внимание Мекената, завоевал его расположение, а вскоре - заботу и искреннюю дружбу. Гораций был представлен Октавиану, и тот, по рекомендации Мекената, вскоре предложил ему должность своего личного секретаря, но получил деликатный отказ. С тем, чтобы освободить Горация от материальных забот и предоставить ему возможность целиком отдаться творчеству, Мекенат подарил Горацию небольшое, но достаточно доходное поместье неподалеку от Рима. Оно было расположено близ Сабинских гор в долине маленькой реки Дигенции, и Гораций, размышляя хотя бы отдаленное сходство своего нового убежища с далекой родиной, мог тешить себя иллюзорной свободой. Жизнь частного человека оказалась также иллюзией; Гораций это прекрасно понимал, стремясь осознать происходящие в Риме перемены и установить свое отношение к ним.

В 19 г. до н.э. после неожиданной смерти Вергилия Горацию пришлось занять его место в роли первого поэта Рима и августовского двора. В 17 г. до н.э., когда с чрезвычайной помпезностью Август готовился отметить традиционные Вековые игры, Горацию был заказан Юбилейный гимн. Гораций прожил последние годы жизни тесно приезжая в Рим, то укрываясь в своем поместье. В 8 г. до н.э. скончался Меценат и перед смертью, согласно рассказу Светония,³ просил Августа позаботиться о Горации. Вслед за Меценатом, в том же году, умер Гораций и был похоронен рядом с Меценатом на Эсквилине.

Такова основная канва жизни Горация.⁴ Автобиография поэта раскрыта в его произведениях, содержание которых значительно шире и глубже всех свидетельств и объективных фактов, изложенных в жизнеописаниях.

Все творчество Горация представляет собой своеобразный дневник человека, мучительно пытающегося найти гармоническое единение неустойчивого, изменчивого окружающего мира с самим собой, со своим внутренним миром. Конечно, как во всяком дневнике, открытом для других, автор может быть искренним и неискренним, правдивым и лукавым, иногда такая двойственность оказывается для автора неизбежной, так как он сам старается разглядеть самого себя и либо создает своего двойника, либо ищет какое-либо укрытие. Подобные поиски типичны особенно для первого периода горацианской поэзии, где средства самозащиты и самооправдания он стремится выразить в использовании и переосмыслении того художественного и идейного богатства, которое им было усвоено в своей среде и в школе юности. Именно это наследие осталось с ним навсегда.

Стихотворения раннего Горация — его "Эподы" и "Сатиры" — создавались в течение десятилетия между поражением защитников республики при Филиппах в 42 г. до н.э. и окончательной победой сторонников нового режима в битве при Акцие в 31 г. до н.э. Это время было необычайно тяжелым для всех в историческом плане и для каждого в личном. Победа при Акции над Антонием и Клеопатрой открыла для победителя-Октавиана прямой путь к принципату, а далее и к неприкрытой монархии. Гораций переживал

происходящее мучительно: от резко негативного отношения к действительности, от разбитых надежд своей юности он искал выхода, чтобы не пойти по следам Брута и Кассия, для которых Филиппы завершились самоубийством. Гораций же решил до конца остаться в строю, несмотря на свое бывшее богатство с поля боя. Теперь он решил бороться словом и своим оружием избрал поэзию, которую рассматривал как средство активного нападения, защиты и ниспровержения противников. Помощь принесла ему древнегреческая лирика, а примером и образцом для подражания оказался основоположник всей европейской лирической поэзии древний Архилох (VII в. до н.э.), сказавший о себе:

Я — служитель царя Эниалия мощного бога.

Также и сладостный дар Муз хорошо мне знаком

(Fr. 1 Diehl; пер. В. Вересаева).

Обличительно-полемические песни-стихи Архилоха назывались ямбами, и это название перешло на метрическую структуру их стоп. А эподом, т.е. припевом, греки называли строку или строки с укороченным количеством стоп по сравнению с предыдущей или предыдущими. Много позднее Гораций признавался:

...Архилоха размер лишь и страстность

Брал я, не темы его, не слова, что травил Ликамба *

(Fr. I, 19, 24-25; пер. Н. Гинцбурга).

Однако обращение к Архилоху не было формальным. Гораций не случайно озаглавил свои семнадцать стихотворений "Эподами". Он сочинял их в период всего десятилетия, хотя решился обнародовать лишь к 30-му году. Все обстояло значительно сложнее.

Архилох и Гиппонакт, который был столетием моложе Архилоха, но значительно более консервативен, каждый по-своему, преобразовали ритуально-карнавальную инвективу, сохраняя ее главные художественные особенности и используя в разнообразных ситуа-

* Ликамба, по преданию, жестоко обманул поэта, не выдав за него свою дочь.

циях своего конкретного бытия. Прошлое инвективы, которое всегда дозволено греческой поэзии и даже древней комедии, было безразлично римскому поэту. Ему важно было продолжать сражаться и в своем новом мире, обличая все, что препятствовало установлению порядка в жизни сейчас, и всех, в ком он видел своих врагов, безапелляционно причисляя их к преступникам (*scelasti - Erod., 7, 1*). В отличие от греков и даже своего соотечественника Катулла, сохранявших личную инвективу, Гораций воздерживается от имен и предпочитает обобщенное обличение, которое наряду с перечнем социальных пороков становится очень эффективным. Вера в преобразующую силу художественного слова требует от Горация педантичной отделки своего искусства, свободного владения техникой стиха от "разговорных" ямбов в различных сочетаниях до строгого гексаметра, чередующегося с ямбическим триметром (напр. 16-й эпод и др.). Именно в 16-м эподе, который обычно считается самым ранним, хотя хронология эподов условна,⁵ Гораций декларирует свою близость с греками и одновременно соперничество и превосходство.

Поэты Древней Греции представлялись любимцами и посланцами богов; осуществляя свою высокую миссию, возложенную на них свыше, они как бы открывали людям божественную правду и охраняли их от заблуждений и проступков. У Горация же мир этих древних представлений метафоризируется и окончательно преобразуется в мир символов. Впервые в римской поэзии Гораций провозглашает себя жрецом поэзии. Как *vates*, т.е. жрец и пророк, он обращается с призывами ко всему римскому народу. Будучи носителем высшей мудрости (*nulla sit hac potior sententia*), он ощущает в себе силы, чтобы вести свой народ из развращенного и погисающего мира к счастью при условии, что в нем увидят пророка (*vate me*). В этом же 16-м эподе актуализируются древние греческие мотивы (смена веков, золотой век, острова блаженных, поход аргонавтов, странствия Одиссея). Но поэт подчеркивает, что все это - наследие прошлого, и для современников и соотечественников он обещает прибежище только достойным (*pis*).

Особое место в греческой лирике отводилось песням-напутствиям. Их использовал Гораций в 1-м эподе, опустив инвективу, которая была необходима в греческих фольклорных напутствиях с

их обязательным мотивом оберега, т.е. отпугивания и отвращения от путешественника злых темных сил. Обращаясь к Меценату, Гораций выражает надежду на то, что его забота, тревога за друга и готовность разделить трудности путешествия помогут им обоим. Меценату также адресован 9-й эпод, считающийся наиболее поздним, так как он посвящен победе Октавиана над Антонием и Клеопатрой при Акции в 31 г.⁶ Примечательно, что примирение Горация с неизбежной и новой действительностью дано в обращении к Меценату. По уже установившемуся методу поэт сообщает о своей причастности к происходящему, а выход для своих противоречивых, возможно, и затаенных чувств находит в призыве к безудержному застолью:

Неси же, мальчик, в чашах нам уемистых
Хиосских, иль лесбосских вин,
Иль влей вина ты нам цекубского,
От тошноты целящего:
Заботы лобо нам и страх за Цезаря
Прогнать Лиэем сладостным!
(Erod., 9, 34-39; пер. Н. Гинцбурга).

В греческой лирике (Архилох, Алкей) застольные мотивы были всегда четко целенаправлены и соотнесены с конкретными событийными ситуациями. Поводом для пирра могла быть одержанная победа и ликование над поверженным врагом, ритуальное празднество или подготовка к какому-нибудь важному деянию. Гораций сохраняет этот формальный момент как вторичный, а в первую очередь выделяет свои переживания - отклики на события. Дружеский пир, говорит он, поможет нам "*levare diris pectora sollicitudinibus*" - облегчить сердце и душу от ужасных волнений (Erod., 13, 10).

Мотив целительного застолья в полную меру раскроется впоследствии в одах. Эподы же сочинены в период становления поэта, условием для осуществления которого явилось сознательное творческое восприятие и трансформация греческого поэтического наследия.

Одновременно, вероятно, с "Эподами" Гораций обращается к

другому жанру, в результате чего читателям представлены две книги "Сатир", или "Бесед". Первая книга из 10 стихотворений была обнаружена около 35 г., вторая - из 8 - примерно к 30 г., хотя и здесь точной датировки не существует.⁷ В этих произведениях Гораций использует различные традиции, из них четко прослеживаются две греческие, одна - материковая, другая - южноиталийская, и римская, отечественная, представленная в названии - сатиры или сатуры.

Основная задача, которую ставит перед собой в этих стихотворениях Гораций, уже не призывы, угрозы и другие эмоциональные обращения к адресатам, а доверительные беседы, направленные на то, чтобы раскрыть свои собственные взгляды на жизнь и поведение человека. Среди населения Южной Италии и ее островов были очень популярными фольклорные и литературные, так называемые низовые или бытовые, жанры, обычно "серьезно-смешного" содержания, повествовательного или драматического характера. К ним относились различные мимы, первые памятники которых известны нам с начала V в. до н.э. (Софрон), а затем широко распространены в эллинистическую эпоху (Герод, Рифон). Одной из разновидностей их были так называемые фмиаки, отдаленно родственные древней комедии. Наряду со всеми этими жанрами начиная с IV в. до н.э. большим успехом в самых широких кругах населения пользовались "сократические" диалоги, первоначально возникшие в Афинах, а затем беседы странствующих философов, преимущественно киников, они могли быть монологическими или же диалогическими и содержали различные наставления, часто в саркастическом тоне и нередко напоминали импровизации. Они имели общее название диатриб (бесед), обычно составлялись в прозе, которая могла чередоваться со стихами (Менипп). Для мимов, фмиаков и подобных им содержание могло быть различным с обязательными элементами злободневности. В диатрибах разнообразная, пестрая тематика была только злободневной, и преобладающими были в ней вопросы этического характера. Наконец, в чисто римской поэтической традиции со времен Энния, как нам известно, т.е. уже не в устной, а в письменной фиксации (III-II вв. до н.э.), существовали так называемые сатуры (satira - "смесь"), жанровая природа которых не имела определенных границ, что позволяло пользоваться не только пестротой форм, но и полной разнородностью со-

держания, обычно продиктованного актуальностью событий, ситуаций, социальных и личных взаимоотношений. Ранняя сатура состояла в стихах, возможно была даже песней, на что указывают ее первоначальные размеры - ямбы или трохеи. Сочинитель или исполнитель сатуры (вначале это было одно лицо) рассуждал от своего имени, поучал, обличал и развлекался. Горацию была, конечно, известна древняя сатура, но образцом для себя он выбрал классического поэта Гая Луцилия (II в. до н.э.). Автор многочисленных сатур, которые он называл *vesperae*, т.е. беседами, Луцилий известен нам лишь незначительными фрагментами.⁸ Имя Луцилия предоставляет Горацию право на любую откровенность и оправдывает его смелость, хотя Гораций не скрывает своего иронического отношения к устаревшему для его времени поэту. Так, в первой сатире второй книги, обращаясь к ученому юристу и стороннику Октавиана Требатия, он признается:

Ну, а я вот люблю в стихи опралять свои думы,

Как и Луцилий любил ...

Я хоть и ниже Луцилия даром моим и породой,

Все же а я со знатными жил ...

(В., II, 1, 28-29, 75-76; пер. М. Дмитриева).

И тем не менее Гораций неоднократно указывает на многочисленные недостатки Луцилия. Тактично подчеркивая свое превосходство, он возмущается грубостью Луцилия, беспорядочностью и шероховатостью его неотделанных стихов. Эти замечания свидетельствуют о том, что он отказывается от грубых личных нападок и придает большое значение тщательной работе над стихом, разрабатывая дальше латинский гекзаметр, совершенную форму которому найдет много спустя в "Посланиях". Гораций обращается к Луцилиевой сатуре с той же целью, как и к греческим ямбам, аристофановской комедии и к диатрибе, не скрывая своих источников и даже поименно называя поэтов или объекты их сочинений. В сатире он находит наиболее подходящий для себя в своих условиях способ и средство самовыражения и самовоспитания, пользуясь тем, что в 30-е годы к этому жанру обращаются многие поэты и в нем заинтересованы многие читатели. По остроумному замечанию

одного литературоведа, для этого времени "сатира заполняет собой ту площадь, на которой может расположиться *humanitas* (т.е. человечность, самоуважение, культура и т.д.), и одновременно она же оказывается повозкой для них".⁹

В первой книге Гораций много говорит о себе, иногда прибегает к выпадам против недругов, но не к инвективе, не пренебрегает анекдотическими историями. Вторая, четко организованная в композиционном отношении, книга наполнена рассуждениями о жизни (сатиры 1 и 5); поэт рисует картины здорового и полноценного образа жизни на лоне природы согласно заветам отцов и дедов (2 и 6), незлобно вышучивает проповеди стоиков (3 и 7) и с большим юмором описывает пиры новомодных мудрецов, занятых лишь "умиротворением собственных желудков" (сатиры 4 и 8). Гораций ищет все время некую жизненную стабильность, для которой требуется прежде всего установить подлинные жизненные ценности.

Поэтому так важно для него "отделить пустое от важного" (S., I, 2, 113) и отыскать необходимую середину (там же, 28). Он еще не знает, стоит ли жить в соответствии с природой (*integra naturae finis*), но Меценату он рекомендует придерживаться меры во всем (*modus in rebus*. - I, 1, 106). Уже ощущая свое право советовать другим, сам он все еще занят поисками. С действительностью Гораций примиряет Меценат, так как в нем поэт находит человека, способного отличать "достойного от презренного" (S., I, 6, 63). Меценат открывает перед поэтом дверь в тот мир, которого он так долго искал. Для греческого поэта проблемы подобных поисков не существовало. Его миром в исторической и культурной последовательности было сообщество родичей, соплеменников, сограждан, принадлежавших к одному полису, наконец, единомышленников. Уже эллинистические поэты, в пределах огромного открывшегося перед ними мира, восприняли свою деятельность в качестве собственной и ощутили себя полными хозяевами своего текста. Отсюда в эллинистической литературе все прежние жанры и стили начали видоизменяться настолько, что границы между ними становились зыбкими и расплывчатыми. Гораций не только усвоил этот подход, но и использовал былые жанры в роли подходящих форм для раскрытия своего внутреннего мира в значимых для него ситуациях. Эллинистические поэты при всех своих манипуляциях были связаны традициями и не могли преодолеть

ее инерции. Главное же - их авторское "я", их личный мир, их собственные эмоции на протяжении всей эллинистической эпохи не получили и не могли получить право на художественное изображение.¹⁰ В римской литературе к решению этой задачи почти вплотную подошел Катулл, но его художественный мир оказался замкнутым и ограниченным. Гораций совершил этот труднейший и столь необходимый для всей дальнейшей литературы переворот, и в том его первостепенная и главная заслуга, определившая занимаемое им место в истории не только античной, но и всей европейской литературы, поставившая его на пьедестал классика.

Обычно дружба Горация и Мецената интерпретируется в бытовом, социальном или даже в политическом аспекте. Меценат-де ввел Горация в высшие правительственные сферы и таким образом бывший республиканец, сын ничтожного вольноотпущенника, бедняк-писец был вознесен почти до небес, достиг недостижимого и стал трубадуром Августа и нового режима. Если бы все обстояло только так, мир лишился бы Горация.

В действительности Меценат открыл для Горация тот мир, где поэт смог осуществить свое призвание, где он ощутил себя полезным и необходимым людям. В девятой сатире первой книги Гораций окончательно убеждается в своем избранничестве. А когда в шестой сатире второй книги он не только рассуждает о счастье, но и чувствует себя готовым оповестить о нем всенародно, переход к одам уже совершился.

Переход к одам сопровождается обращением к новой стихотворной форме, которую Гораций определяет как форму эолийской песни (*Aeolium carmen*). Первопроходцем и здесь оказался Катулл. Однако по-настоящему тот особый греческий размер, мелодия которого строилась на разнообразном чередовании долгих и кратких слогов, часто с аллитерирующими звуками или группами звуков, размер, восходящий к всецело песенной поэзии, приспособил к латинскому языку и вдохнул в него новую жизнь только Гораций. Этот новый для себя жанр Гораций и назвал *carmina*, т.е. песни. От эолийской песни сохранил он и наличие адресата и конкретность каждой отдельной ситуации. Но если в эебосской лирике, у Алкея и Сапфо, эти оба компонента составляли единство с содержанием, то у Горация их роль чисто формальная.

Оды разделены на четыре книги. Первые три, сочиненные в раннее время, были опубликованы вместе не позднее 23 г. до н.э. Четвертая — десятью годами позже. Первые, содержащие 88 стихотворений, были посвящены Мэценату. Сюжеты первых трех книг разнообразны, как и длина составляющих их стихотворений, — от 16 до 50 строк. Разнообразна также метрика этих книг. Гораций переработал в них тринадцать лирических размеров, используемых греками. Одами в равной степени восхищались как современники, так и поздние комментаторы поэта, которым принадлежит объединение всех уже четырех книг греческим названием "Оды", характеризующих возвышенный стиль этих произведений.

Каждая ода всегда основана на каком-либо внешнем событии или факте. Но это внешнее подается в восприятии самого Горация. А его восприятие должно восприниматься как уникальное, так как уверенность в себе закреплена всеобщим признанием. Всем, должно быть, известно, что он вознесен над повседневностью и наделен чудесным даром с помощью поэзии преобразовать всеобщую жизнь и создавать некую, всеми искомую гармонию. Задача поэта состоит в том, чтобы вскрывать и обнажать противоречия, поднимать до общего все единичное, а это всеобщее доводить до космических высот в его вечности и постоянстве.

В своих одах Гораций охвачен стремлением преобразить весь мир и сделать его одухотворенным. Из всех духовных ценностей наивысшая — дружба. В своем отношении к любви Гораций остается верным древней греческой лирике, где любовные утехы, вино, веселье были связаны между собой и не претендовали на главное место в жизни.

Много сказано и написано о непревзойденном мастерстве Горация в искусстве владения словом, о той виртуозности, которая создает впечатление легкости, изящества и удивительной простоты. Но такое впечатление обманчиво. Гораций умеет скрывать свое искусство; позаимствован из греческой словесности, он сумел довести его до совершенства, не раскрыв, каким образом он этого достигает. Оды — вершина поэзии Горация, ставшего поистине властелином поэтической мысли и художественного слова. Его великие достижения стали возможными лишь на основе всего того, что было создано в греческой и римской литературе до него, о

чем думали и к чему стремились и его современники. А для них главной была мечта о подлинном мире — рах aeterna. Поэтому вполне закономерно, что за исключением одной оды, где поэт размышляет о неизбежности смерти (Сарм., II, 14), все остальные наполнены радостью, светом, проникнуты жизнелюбием. Гораций весь обращен к людям, отодвигая даже пейзаж на задний план.

Некоторые оды, хронологически связанные с эподами, несут в себе совершенно несвойственные эподам настроения и призывы.

Такой является, например, Сарм., I, 14, возможно, написанная в 33/32 гг. во время возобновления войны. Заимствованный в волийской мелике (Алкей) образ корабля, застигнутого бурей, у Горация символизирует несчастную римскую республику, лишенную расположения богов и обреченную на гибель. С какой нескриваемой болью говорит поэт о крушении былых иллюзий:

Берегись! Ведь ты будешь
Только ветра игралищем.
О, недавний предмет помисла горького,
Пробудивший теперь чувства сыновние,
Не пускайся ты в море,
Что шумит меж Цикладами!

(Сарм., I, 14, 17-20; пер. А. Семенова-Тян-Шанского).

На события 20-х годов Гораций откликается "Римскими одами" (27-29 гг.), едиными по тематике, по метрике (Алкеева строфа) и по сюжету. Этими шестью одами открывается третья книга. Перед поэтом встала дилемма: он должен гармонически объединить свою поэтическую деятельность, свой наивысший дар с новым государственным режимом, с властелином Рима Августом. Эта нарастающая задача диктует ему выбор адресатов. ¹¹

Три из шести од обращены к римской молодежи, две — к Августу и одна — к музе Каллиопе. Гораций просит музу сойти на землю, покинув небесные выси (Сарм., III, 4, 1). В своей безопасности поэт полностью уверен: его охраняют Музы, которым он преданно служит (Musarum sacerdos — Сарм., III, 1, 3). Теперь он надеется, что завершившего ратный труд Августа Музы возьмут на свое попечение. В греческой поэзии за много веков до Горация

Гесиод уже оценил дары Муз как превышающие все прочие земные дары. Гораций, следуя устойчивой топике художественных образов, вспоминает о своем божественном предназначении, о приобщении к сонму Муз (Сарм., III, 4). Но для него главное – распространить эту благодать также на Августа, сумевшего положить конец гражданской войне и одарить Рим покоем.

В одном из гимнов Каллимах сопоставляет небесного владыку Зевса с земным царем Птолемеем, подавая это сопоставление в форме шутки и с некоторой долей изящной иронии. Гораций совершенно серьезно пользуется этим же сопоставлением и говорит о том, что:

Мы верим: в небе – гром посылающий
Царит Юпитер; здесь же причисляется
К богам наш Август...

(Сарм., III, 5, 1–3; пер. Н. Шатерникова).

Подобные речи вряд ли правильно зачислять в разряд лестных, так как поэт убежден в разумности и законности действий Августа, которые он оценивает высочайшей этической мерой, зная, что лишь соответствующую ей силу (*vim temperatam*) умножают боги, ненавидящие беззаконие (Сарм., III, 4, 65 сл.). Всеведущий поэт знает о тяжелом труде Цезаря, о желании усталых войск (*ferreae cohortes*) поскорее вернуться домой. Как только завершится война, грот Пиерид распадется перед Цезарем, которого поведут в свое святилище Музы:

Совет вы кроткий, о благодатные,
Ему даете, радуясь данному...

(Сарм., III, 4, 40–42; пер. Н. Шатерникова).

Кроткий совет (*lene consilium*) изложен самим поэтом. Гораций призывает вернуться к забытым правам предков, обновить оскверненные храмы, позабыть братоубийственные распри, восстановить семейные узы и помнить, что распад семей ведет к оскудению рода и грозит залить бедрами и навсегда утопить *patriam populisque* (Сарм., III, 6).

Поэт-провидец, испытавший все ужасы гражданской войны и ее последствия, сопоставляющий личную судьбу с судьбой всего Рима, видит в Августе воплощение всех миронесущих сил, считает его безальтернативным спасителем Рима, последней и единственной надеждой.

Таков суммарный итог всего пережитого и осмысленного Горацием. Все воображаемое им будущее воплощено в его одах, ставших мостом (*iunctura*), который поэт перекинул от уныния, отчаяния и безнадежности к новому взлету, жизнеутверждению, стабильности. Вынести все трудности намеченного перехода в обновленный и прекрасный мир Гораций сумел благодаря Музам, Аполлону, Меркурию и Вакху. Они перестали быть божествами ранней греческой поэзии, где связь с богами представлялась объективно-субъективной: обращение к ним поэта воспринималось как приобщение и возможность от их имени вещать непреложную истину – откровение бога или богов. Иначе относились к этим богам в Риме. Гораций же окончательно определил место для богов в своей поэзии. Он отнюдь не рупор божьей воли; боги составляют суть его внутреннего мира, символы его собственного "я". "На кого в час рождения, – говорит он, – Мельпомена, упал взор привлекливый", – тот "надолго этим прославится" (Сарм., IV, 3, 1–2, 12; пер. Б. Пастернака).¹²

Поэт оглядывается на пройденный им путь и ясно отдает себе отчет в значительности нового, найденного им направления. Эподы и сатиры остались для него в прошлом. Теперь он уже не может говорить "на низменный лад ни о чем-нибудь малом, ни о чем-нибудь смертном", т. е. изменчивом и непостоянном (Сарм., III, 25, 17–19). Но наряду с этим Гораций чувствует зыбкость связи между падением и взлетом, между прошлым и будущим еще шатается выстроенный им мост. И тут вновь пошатнувшийся фундамент находит опору в мировоззрении древних греков, в их представлениях о соразмерности всего сущего. "Ничего слишком", "самое лучшее – мера", "познай самого себя" – эти и другие изречения древних мудрецов были некогда высечены в преддверье храма Аполлона в Дельфах (Рав., X, 24, 1).¹³ Гораций творчески перерабатывает этот тезис в утверждение о преимуществе "золотой середины" (*aurea mediocritas*). В десятой оде второй книги небоб-

ходимость придерживаться середины в качестве основного жизненного принципа Гораций рассматривает как следствие сознательно-го выбора. Констатация же найденного им утешения в том, что *non, si male nunc, et olim sic erit* "если плохо теперь, то потом все изменится", восходит к знаменитой максиме Архилоха (fr. 128). Архилох призывает к "умению претерпевать" (*ὑπομένειν*) так как человеческая жизнь не может быть гладкой, а состоит в "приливах и отливах" (*ῥυσμός*). Поиски золотой середины как меры человеческих возможностей и устремлений не противоречат, по Горацию, поискам счастья на земле. Залог морального спасения и оздоровления общества Горацию представляется как единение *humanitas* и *mediocritas*. К этой мысли его ведет собственное духовное исцеление, победа над бурями и политическими превратностями, пронесшимися над ним. Выход из тенет прошлого Гораций искал долго и мучительно. Но найденный им выход привел его в свою очередь к борьбе за общественное спасение и нравственное возрождение.

В 50-60-е годы в советской литературе было принято упрекать Горация в крайнем индивидуализме, сервиллизме и элитарности.¹⁴ Уход от общественной и политической жизни неоднократно вызывал впоследствии различные толкования, нередко даже оскорбительные для поэта. Подобная интерпретация имела свои причины, в числе которых была крайняя модернизация политической и культурной истории августовского Рима.

Факты и собственное признание поэта свидетельствуют о том, что он сам называет *viscivatio*, т.е. уход или отход. Но он не бежит от действительности и не прячется в призрачной Аркадии, не погружается в частную жизнь. Гораций — *lyricus vates*, вознесенный над *malignum vulgus*, т.е. над злобствующей чернью (Sarm., II, 16, 39-40). Таким он видит себя. И не в развращенной толпе, и не в старшем поколении, чье сознание уже не изменить, а в молодежи ищет он опору для осуществления своих надежд. Спасение Рима, считает Гораций, не в силе оружия — Август уже позаботился об этом, а в проникновенном слове, которому он, поэт, решает окончательно и бесповоротно посвятить всю свою жизнь. Мысленно он как бы принимает эстафету от Августа и считает свою миссию более значительной для всего будущего Рима. Он немало

уже приложил усилий, чтобы именно слово сделалось довлеющей силой для всего общества вне времени и пространства, которые поэт сумел окончательно преодолеть (Sarm., II, 20; III, 30). Поэзия вознесла его над всем сиюминутным и ограниченным, с ее помощью он преодолел все преграды, включая людское недоброжелательство и зависть (*invidia*). Поэзия принесла ему настоящее мужество (*virtus*) и доблесть духа. Его Муза сливается с ним. Итогом всех этих мыслей становится знаменитый горацианский "Памятник" (Sarm., III, 30).

Гораций всячески подчеркивает, что поэзия его — плод всей его жизни — стала всеобщим достоянием благодаря *aeolium carmen*. К волийской мелике поэты обращались и до него; Катюлла даже переложил одно из стихотворений Сапфо. Но Гораций первым воспроизвел на "италийский манер" те художественные формы мысли и слова, которые, безукоризненные в своем совершенстве, были найдены только греками. Он не только воскресил их в новом качестве — он преподнес их в дар своему народу ради великой цели. Вот таким властелином слова, которое позволило ему открыть мир, преодолеть ограниченность всего сущего, победить смерть и достичь совершенства, завершает Гораций первые три книги од. В четвертой книге оставалось подвести итоги уже всего сказанного.¹⁵ Совершенен в своей законченности также язык первых одических книг. Он лаконичен и прозрачен. Каждая из од замкнута в себе и целостна. Каждая фраза включает в себя развернутый художественный образ, исключая какой-либо дополнительный штрих.¹⁶

В период между 23 и 17 гг. Гораций пишет Послания (*Epistulae*). Эпистолярный жанр, как особый вид литературного творчества, был известен в Греции. Письма в стихах сочинил в Риме еще Луцилий. Гораций обращается к уже сложившейся форме, чтобы воспользоваться ею в качестве модели непринужденной общественной беседы с близкими друзьями. Темы посланий продиктованы задачами сегодняшнего дня, но в отличие от Эпикура, поучения которого всегда адресованы конкретным лицам, Гораций не поучает никого, а как бы размышляет сам с собой. Первая книга состоит из 20 посланий, вторая — из 2 и из примыкающего к ним "Послания к Писонам", так называемого "Искусства поэзии" (*Ars poeti-*

са). Все "Послания" написаны гексаметром, который становится классическим.

В первой книге Гораций много и охотно рассказывает о себе, о друзьях юности, с удовольствием подшучивает над собой же. В послании к поэту Тибуллу он может сказать о себе как о "поросенке из эпикуровского стада" (Ep., I, 4, 16), а Меценату заявить, что он "никому не давал присяги не верность учению", стараясь жить так, чтобы "подчинять себе вещи, а не им подчиняться" (I, I, 14, 19). Жизнь научила его ничему не удивляться (nil admirari) и даже для virtus не вдаваться в крайности (I, 6, 1, 16). Из парящего над толпой, вознесенного своим даром поэта Гораций в "Посланиях" становится смертным. Он хочет всячески подчеркнуть свою человечность, на которую ничуть не повлияла огромная слава.

Первым я Рима мукам на войне полюбился и дома,
Малого роста, седой преждевременно, надкий до солнца,
Гневаться скорный, однако легко умиряться способный
(Ep., I, 20, 23-25; пер. Н. Гинцбурга).

Перед читателями уже иной Гораций, добрый, человечный, мягкосердечный, преисполненный той мудростью, которая примирила его, вывела от душевного разлада и позволила преисполниться высшей гармонией.

Но путь лирического поэта еще не был завершен. В 17 г. Август, достигший вершины власти и утвердившийся на ней, решил отметить наступление новой эры, конец прежней эпохи. Поэту было решено с особой помпезностью провести Вековые игры - традиционное древнеримское празднество.¹⁷ Август лично предложил Горацию написать гимн для сводного хора девушек и юношей. Гимн предполагалось исполнить на третий день праздника дважды: сначала на Палатинском холме, а затем на Капитолийском, у храма Аполлона.

В этом гимне - Carmen Saeculare - Гораций сумел гениально сочетать архаические основы римского мировоззрения и особый римский колорит, запечатленный еще Ливием Андроником в середине III в. до н.э., со всем итогом своего идейного и худо-

ственного опыта. От космических высот с призывами Феба и его божественной сестры Дианы как плодоносящих и покровительствующих Риму сил хор переходит к прославлению Августа, верному почитателю Аполлона, божественному потомку Венеры и Анхиза*, воплотившего и завершившего навсегда великие начинания предков. Далее выражается уверенность в том, что молитва услышана и все произошедшее неизбежно, о чем сообщает счастливый поэт. Отныне жизнь войдет в иные берега:

Вот и Верность, Мир, вот и Честь, и древний
Стыд, и Доблесть, вновь из забвенья выйдя,
К нам назад идут, и Обилье с полным
Близится рогом

(Saec., 57-60; пер. Н. Гинцбурга).

В перечне этих персонафицированных основ римского государства заключена уверенность в том, что отныне Август не только нашол на земле всеобщее признание, но и неизменное покровительство высших сил, подтвердивших возвращение всего того, что унесли с собой гражданские войны. Юбилейный гимн тесно связан с одами как классический памятник нового самосознания. В этом гимне, как когда-то в греческой хоровой лирике, но уже в ином мире, для иного народа, переплелись три основных компонента - магические слова (молитва), мелодия и танец. Таким образом, Гораций сумел воплотить здесь все самое лучшее из того, на что оказался способен августовский Рим в свои лучшие годы расцвета.

Характерно для Горация, что именно к Юбилейному гимну приписывает четвертая книга од, завершенная к 13 г. и адресованная Фабио Максиму, юному другу Горация, приближенному Августа и родственнику Овидия (Ov., Pont., I, 2, 1; Tac., Ann., 15). В этой книге поэт обращается к прежним мотивам. С прежней легкостью, но не без налета грусти любовная тематика переплетается с воспоминаниями о былом, сожалением о приближающейся старости, звучат те же призывы к пирам. В двух больших заключительных стихо-

* Здесь Гораций сознательно напоминает об "Энеиде" Вергилия: Анхиз - отец Энея, почитался как предок Августа.

творениях, посвященных Августу и словно предназначенных для памятника императору, Гораций, который, как *vates*, уже воздвиг вечный памятник себе (*Satm.*, III, 30), теперь ощущает себя вправе создать его и для Августа. Во второй оде этой книги поэт сравнивает себя с великим греческим певцом славы Пиндаром, глашатаям побед на состязаниях. Гораций видит себя римским Пиндаром и готов соперничать с ним, так как его задачи и цели иные. В отличие от устремляющегося ввысь греческого поэта, он уподобляет себя труженице-пчеле, собирающей свой сладчайший мед на земле. Здесь, как и в следующей оде, метафоризированы все основные образы греческой лирической поэзии.

Четвертая книга од, в которой Гораций весь устремлен вперед, в будущее и вечное, представляется своеобразным завещанием, итогом всего, что было проделано им на протяжении жизненного и творческого пути. Однако заботы о будущем поэтического искусства, о жизни поэзии вне его и без него постоянно тревожат Горация. Он понимает, что без наследников весь его труд останется втуне. Этими чувствами проникнуты письма к Флору (18 г.), "Послание к Писонам" и последнее послание к Августу (примерно 13 г.), после которого Гораций окончательно умолкает.

Гораций не раз возвращается к вопросам о поэтическом творчестве. В последнем послании к Августу он высмеивает бездумное преклонение перед прошлым, отстаивает право стремиться ко всему новому и предлагает Августу взять на себя заботу о поэтическом искусстве. Как всегда, за шутками Гораций скрывает многое такое, что его серьезно тревожит. Огромно значение искусства в жизни человека и общества, утверждает Гораций:

Ибо не ярче лицо в изваянии медном, чем мысли,
Чувство все славных мужей отраженья находят в созданных
Вещих поэтов

(*Ep.*, II, 1, 248-250; пер. Н. Гинцбургца).

Забота о будущем поэзии и гордость за содеянное диктуют Горацию его высказывания о поэзии. Наиболее отчетливо все это сосредоточено в третьем, самом длинном, послании из второй книги, адресованной известному римскому аристократу Писону и его

сыновьям, из которых Кальпурний Писон уже пробовал заниматься поэзией.¹⁸ Но наставления Горация — не свод необходимых поэту правил и не пособие для начинающих, хотя понимание этого послания как *ars* (греч. τέχνη 'мастерство') давало основание для подобных суждений. Все указания Горация являются следствием его собственного опыта и длительных размышлений. Во вооружении эллинистической эстетической теории Гораций рассуждает о гармонии формы и содержания, о соразмерности отдельных частей произведения и его композиционной стройности, ссылается на конкретные факты истории греческой и римской литературы, вносит собственные размышления, не отступая нигде от конкретного материала. Он хочет внушить молодежи, что "грекам дались и мысли, и дар красноречия" (*Ars*, 323). Далее: "Образцы нам — творения греков; ночью и днем листайте вы их неустанной рукою!" (*Ars*, 268-269; пер. М. Гаспарова). В этих словах содержится призыв по-настоящему и основательно учиться. Для самого Горация знание прошлого словесного искусства определялось всей его биографией, включая даже то, что по рождению он не был римлянином. Поэтому и здесь скрыта тонкая ирония, подсказанная известным римским высокомерием, пренебрежительным отношением к культуре греков. Своим адресатам Гораций стремится внушить, что врожденный талант, т. е. то, что греки называли *φύσις*, а римляне — *ingenium*, ничто без тщательного труда, мастерства, т. е. τέχνη, или *ars*. И как всегда склонный к парадоксам Гораций провозглашает, что гениальность поэта — порождение его неуспешного и постоянного труда, что подсказано ему собственной жизнью.

Жизненный опыт Горация и его осмысление выливаются в различные формы поэтического творчества во все периоды жизни поэта. Именно индивидуальность вынуждает Горация обращаться к разным видам греческой поэзии и приспособлять их к себе, смотреть на них как на свое, ему данное достояние. Жизнь и творчество его между собой неразрывны, хотя и здесь парадокс заключается в том, что жизнь оказывается полной противоречий, разнородной, а ее гармоническое начало присуще одному только творчеству. В удивительном сочетании субъективности и гармонии, единого и всеобщего, в том изменчивом содержании, которое всегда нахо-

лит для себя постоянные формы (жанры), скрывается тайна воздействия и бессмертия поэзии Горация. Гораций сумел так рассказать о себе, что любой может в его одах найти себя и услышать отклики своих чувств, считая все высказанное в них реальностью, хотя Гораций, рассказывая о себе, обращается всегда ко всем. Эта тайна и называется классикой, составляющей вершину горацианской лирики.

Слава Горация во многом зиждется на симпатии к его личности, созданной в его стихах. Этот "автобиографизм", наполняющий всю поэзию Горация, становится необычайно привлекательным. Ни один античный поэт не рассказывает столько о себе. Гораций как бы хочет убедить читателя в своей полной открытости, которую каждый не только ощущает, но и познает и даже примеряет на себя. А между тем подобное самообнаружение всего лишь литературная фикция, заимствованная из греческой поэзии и ставшая особенностью той горацианской техники, с помощью которой создается эта иллюзорная интимность. Никто, как Гораций, не может от своего имени вводить нужную ему тему или создавать необходимое настроение. В этом смысле особенно показательны его любовные стихи, в которых он словно вводит себя в какие-то условные ситуации, прикрываясь иронией, но в действительности ничего не рассказывая читателю о своей личной жизни. Гораций умеет даже общие суждения, критические замечания преподносить от себя, как якобы подсказанные абсолютно конкретными ситуациями, хотя в действительности перед нами общие истины, те самые вечные максимы, без которых невозможно развитие цивилизованного общества.

Не ширмой отгораживает себя Гораций от читателя, а каким-то прозрачным занавесом, за которым все же просматривается человек, обладающий всем тем, что свойственно людям. Отсюда многогранность восприятия поэзии Горация и отношения к нему. Одни восхищались им как поэтом легкой и бездумной жизни, другие считали певцом имперского Рима и Августа. Для третьих он был мудрец и учитель, необходимый в житейских радостях и огорчениях. Правы здесь все, ибо эти данные содержатся в творчестве Горация и могут отражать свойства его личности. Но самое главное в том, что, принимая авторитарность августовского режима и сми-

рлясь о нем, как положившим конец гражданским войнам и преодолевшим острашный кризис в стране, Гораций отстаивает право личной свободы и умеет крайне тактично отстоять ее, используя свой излюбленный прием, т.е. сошлясь на себя.

Ще при его жизни, ко времени сочинения "Юбилейного гимна", он уже известен и прославлен по всей стране, а оды постепенно все шире начинают внедряться в школьную практику. Понадобилось очень немного времени, чтобы имя Горация стало эталоном всей лирической поэзии. В эпоху раннего христианства формы и размеры его стиха усиленно адаптировались авторами в их собственных произведениях, включая гимническую поэзию. В средние века были непопулярными оды, так как их тематика не соответствовала мировоззрению эпохи. Однако сатиры и послания привлекали читателей своими этическими заповедями. Возвращение горацианской лирики произошло в эпоху Возрождения.¹⁹ В XVI в. им увлекнулся и ему подражал Ронсар. Веком спустя страстными горацианцами были английские поэты Бен Джонсон, Эндриу Мервелл, немного позднее — Уильям Коллинз. Тогда же "Искусство поэзии" стало своеобразным путеводителем поэтов. Тогда же оно было переведено на французский язык, причем Буало привел в соответствие с ним французскую драму. В том же веке Джонатан Свифт и Александр Поп адаптировали для английских читателей "Сатиры" Горация. А позднее, в XVIII в., всеобщее внимание, включая Россию, стали привлекать социальная поэзия Горация, его философия умеренности.²⁰ В XIX—XX вв. Гораций неоднократно переводился на русский язык, но до сих пор отсутствуют современные монографические работы о судьбе Горация в русском обществе и литературе.

Примечания

¹ Латинский текст произведений Горация цит. по изд.: *Q. N. O. g a t i Flacci Opera / Rec. Fr. Klingner. Lipsiae, 1922*; рус. пер.: Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания / Пер. с лат. под ред. М. Л. Гаспарова. М., 1970 — Там же большая статья М. Гаспарова — "Поэзия Горация" (с. 5—38). См. также: *Во D. Lexicon Horatianum. Hildesheim, 1965—1966. Bd 1-2.*

² Чистякова Н. А. Эллинистическая поэзия. Л., 1988. С. 97.

³ *Suetoni Tranquilli quae supersunt omnia. Deperditorum librorum reliquiae. Lipsiae, 1886. P. 297 sqq.*

⁴ См.: Благовещенский Н.М. Гораций и его время. Варшава, 1878; Мюллер Л.А. Жизнь и сочинения Горация // Изв. ист.-филолог. ин-та. Нежин, 1916. Вып. 31. С. 113-216; Полонская К.П. 1) Римские поэты эпохи принципата Августа. М., 1963. С. 47-70; 2) "Частный человек" под властью принцепса // Ярхо В.Н., Полонская К.П. Античная лирика. М., 1967. С. 164-181; Ноуэс А. Horace. A portrait. New York, 1947; Номмел Н. Horaz Der Mensch und das Werk. Heidelberg, 1950; Фраенкел Е. Horace. Oxford, 1957; Тренсэнуи-Вальдапфел J. Horatius. Budapest, 1964; Wege zu Horaz / Herausg. von H. Oppermann. Darmstadt, 1972; Williams G. Horace. Oxford, 1972; Shackleton B. D. R. Profile of Horace. Cambridge (Mass.), 1982.

⁵ Ньерше Н. Les Epodes de Horace. Paris, 1974; Стремона В. La poesia civile di Orazio. Milano, 1982; Вистранд Е. Horace's ninth epode and its historical background. Göteborg, 1959.

⁶ Волкманн Н. Kleopatra. München, 1953.

⁷ Терзаги Н. Per la storia della satira. Messina, 1944; Coffey M. Roman satire. London, 1976; Ногратиус Q. F. Satiren / Erkl. von A. Kiessling. 7 Aufl. erneuert von R. Heinze. Berlin, 1959; Рудд Н. The satires of Horace. Cambridge, 1966; Гаспаров М. Л. Политический смысл сатир Горация // Вестник древней истории. 1960. № 2. С. 107-114.

⁸ Латинский текст с русским переводом см. в кн.: Полонская К. П., Поняева Л. П. Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 1984. С. 128-140; Мариотти J. Studi Luciliani. Firenze, 1960.

⁹ Вүшнер К. Römische Literaturgeschichte: 3 Aufl. Stuttgart, 1962. S. 313.

¹⁰ Чистякова Н. А. Эллинистическая поэзия. С. 156-158; Уолсх Г. В. "Surprised by self" // Classical Philology. 1990. Vol. 85, N 1. P. 1-21.

¹¹ Уилли W. Horaz und die augusteische Kultur. Basel, 1948; Пёсхль V. Horaz und die Politik. Heidelberg, 1956.

¹² Фальтер С. Der Dichter und sein Gott bei den Griechen und Römern. Würzburg, 1934; Оксала Т. Religion und Mythologie bei Horaz. Ein Literarhist. Untersuchung. Helsinki, 1973.

¹³ Снелл В. Leben und Meinungen der sieben Weisen. München, 1952.

30

¹⁴ См., напр.: История римской литературы / Редкол.: С.И.Соболевский, М.Е.Грабарь-Пассек, Ф.А.Петровский. М., 1959. Т. 1. С. 398 и другие работы, где всерьез было воспринято замечание Ф.Энгельса о пресмыкании Горация перед Августом (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 228).

¹⁵ Solmsen F. Die Dichteridee der Horaz und ihre Probleme // Kleine Schriften, Hildesheim, 1968. Bd. 2. S. 263-277; Putnam M. C. J. Artifices of eternity: Horace's fourth book of odes. London, 1986; Albrecht M. v. Poésie und Unsterblichkeit // Spiegel Europas. Heidelberg, 1988. S. 571-584.

¹⁶ Коммагер S. The Odes of Horace: A critical study. London, 1962; Нисбет R. G. M., Хуббард M. A. commentary on Horace: Odes. Oxford, 1970. Vol. I; Пёсхль V. Horazische Lyrik. Heidelberg, 1970; Синдикус H. P. Die Lyrik des Horaz. Darmstadt, 1972; Сантироццо M. S. Unity and design in Horace's odes. London, 1986.

¹⁷ Ла Пенна А. Orazio e l'ideologia del principato. Torino, 1963; Беккер С. Das Spätwerk des Horaz. Göttingen, 1963.

¹⁸ Ногратиус. Briefe / Erkl. von A. Kiessling, bearb. v. R. Heinze: 6 Aufl. Berlin, 1959; МсГанн M. Studies in Horace's first book of Epistles. Bruxelles, 1969; Каплинский В. Я. Поэтика Горация. М., 1920; Гаспаров М. Л. 1) Две редакции "Поэтики" Горация // Вестник древней истории. 1965. № 4. С. 57-65; 2) Композиция "Поэтики" Горация // Очерки истории римской литературной критики / Отв. ред. Ф.А.Петровский. М., 1963. С. 97-151; Бринк Ch. O. Horace on poetry: Prolegomena to the literary epistles. Cambridge, 1963; Гримал П. Essai sur l'Art Poétique d'Horace. Paris, 1968; Клигнер Fr. Horazens Brief an August. München, 1950.

¹⁹ Стемплингер Е. Das Fortleben der horazischen Lyrik seit der Renaissance. Leipzig, 1960; Мармиер J. Horace en France, au dix septième siècle. Paris, 1962.

²⁰ Бушх W. Horaz in Rusland: Studien und Materialien // Forum Slavicum. München, 1964. Bd. 2; Пинчук А. Л. Гораций в творчестве Державина // Учен. зап. Томск. гос. ун-та. 1955. Вып. 24. С. 85 сл.

31